Ряяпювя (Рябово)

Когда отправляетесь из Токсова в Рябово, сразу же за деревней вас провожает пастуший рожок, местность понижается в долине речки, впадающей в озеро Хепоярви, а затем снова повышается около Таскумяки, а далее путь продолжается по более ровной местности на Короси и Киурумяки.

Оттуда дорога приведёт на пастбища, широко раскинувшиеся на просторе песчаников, через которые идёт прямая, как стрела, дорога. Если вы ничего не намечали заранее в Рябове, то можете и миновать его, и, следуя по этому пути, можете в поле навестить так называемую пастушью избушку. Стоят они у дороги, недалеко друг от друга, и их попадается 3–4 на версте. Это такие крошечные жилища, четырёхстенные избушечки, в которых около двери размещена печь, в заднем углу — маленький столик, рядом у стены — лавка, она же кровать, и скамейка у боковой стенки. Изо всего свободным остаётся пол посредине, пространство достаточное лишь для того, чтобы повернуться. Потолок такой низкий, что высокий человек может удариться головой о матицу. Перед одними хижинами находятся построенные из торфа хранилища для молока, у других есть маленькие сени, а сами избушечки наполовину покрыты дёрном. А неподалеку находится похожее на хлев сооружение, построенное из хвороста, хвойника и жердей, в котором скот находит убежище по ночам и защиту от ненастной или знойной погоды. Приятное впечатление производят эти низенькие ольховые шалаши, когда вокруг них, позванивая колокольчиками, бродит пёстрое стадо, суетятся одетые в разноцветные одежды женщины, пришедшие на дойку, а пастушки с котомками за спиной длинными пастушьими кнутами сгоняют в кучу коров и играют на дудочках так, что звенит всё вересковое поле. А если вы ещё и любитель парного молока, свежего масла и мягкого хлеба, то имеете возможность перед отправлением в путь через необъятное поле провести за столом несколько приятных мгновений. В Рябовском приходе вы сначала попадёте в Папусинмяки, а в нескольких верстах оттуда — в Корново, затем ещё несколько вёрст — и будет церковь. Корново — довольно большая деревня, находящаяся по соседству с деревнями Хуванкюля и Кахункюля, в ней есть несколько скученных русских домов. В старые времена северный конец Корнова называли Саккула. Некогда там жил род Весикко, который во «времена шведской войны» ушёл из Саккулы в Швецию. Но и в наши дни есть ещё в деревне люди с фамилией Весикко. Центр деревни называется Вороново, а южный конец — Тауру.

Окно в Ряяпювя (Рябово)

В деревне Хува из примечательностей можно упомянуть стоящий на обочине дороги «Могильный камень». Когда-то там захоронили *«полаккой»* — поляков, брата и сестру, которые «жили в связи» между собой. Преступников закопали стоя, в землю по самую шею, а затем запряжёнными в соху лошадьми *«снесли ко́ловы»*. Таковы были суд и расправа во времена крепостничества.

Если вы захотите приподнять завесу, скрывающую ваше будущее, то расскажите об этом кому-нибудь, и в ответ вам скажут: *«Слушай, зайди вот к одной старой бабке в Хува»*. Бабка раскинет перед собой старые карты и шаг за шагом опишет вашу прошлую и будущую жизнь. Вам скажут, откуда вы пришли и куда направляетесь, что было, что будет, предскажут, будете

ли вы богаты, век ваш будет ли долгим и, что ещё лучше, будет ли у вас много детей. И все эти ценные сведения обойдутся вам не более чем в 10 копеек.

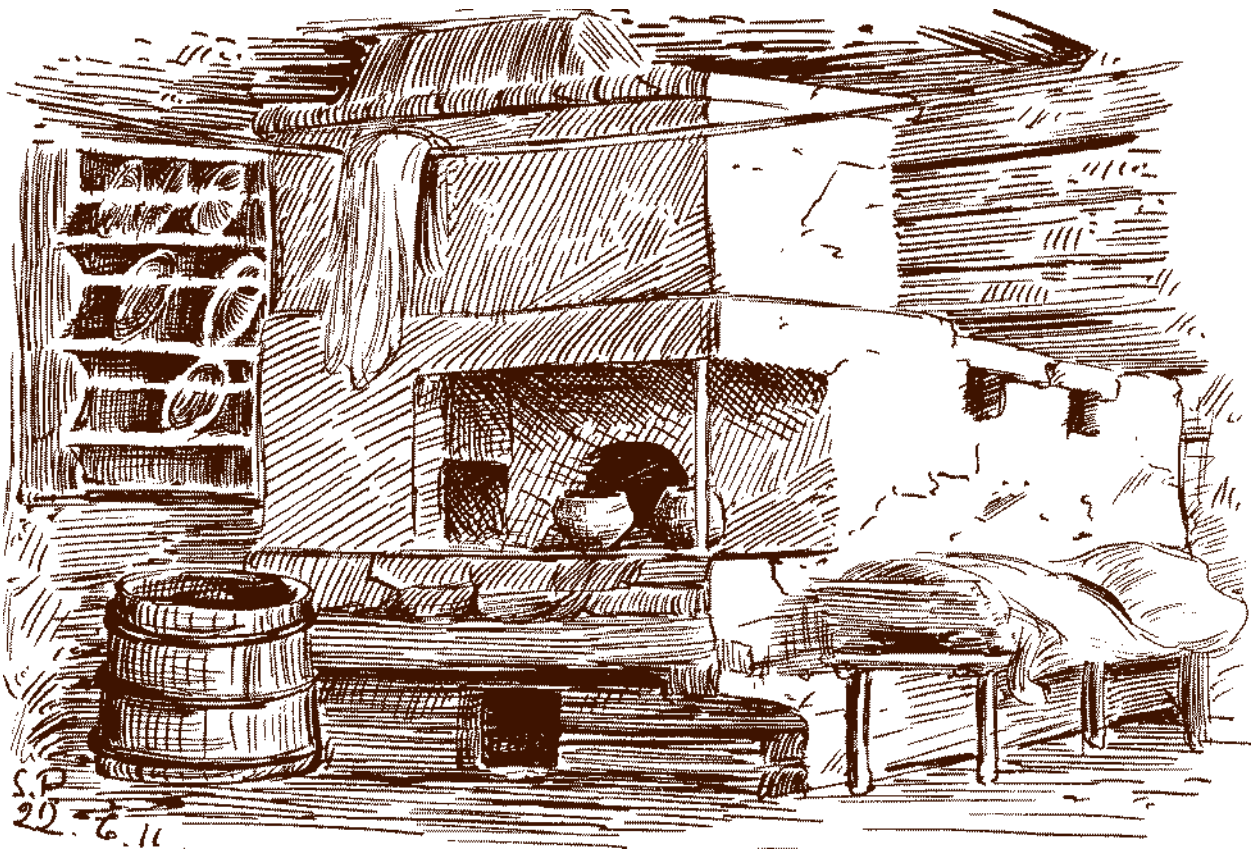
Старушка расскажет, что своё чудодейство она, будучи ещё молодой девицей, переняла от одного старика из Париккала, который жил тогда в здешнем приходе. Старик славился как ведун и чародей, и все свои знания и умения передал ей по наследству.

О маленьком приходском селеньице Рябово, находящемся на юг от Токсова и примерно в 20 верстах от Петербурга, можно сказать немногое. Жителей в приходе немногим более 2 тысяч, тогда как в Токсово — более 10 тысяч.

Холмистая местность как в окрестностях церкви Ряяпювя, так и в окружающих её деревнях. Небольшая церквушка стоит около высокой насыпи Петербургского тракта. посреди погоста в окружении милой берёзовой рощицы, а вокруг неё сгрудилось маленькое село — близко стоящие друг от друга дома, которые снимают приезжающие на летний отдых русские. Некоторые русские владеют летними дачами в лучших местах деревни.

Примерно в одной версте от этого приходского села Ряяпювя находится красивый посёлок Всеволожская, большое дачное селение русских, там же и железнодорожная станция. За Всеволожской узкоколейная дорога разветвляется: с петербургской Охты через Ряяпювя к берегам Ладожского озера на Лююсилинна (Шлиссельбург) и Морье. Это пока частная, принадлежащая нескольким акционерам, невзрачная узкоколейка, которая нуждается в больших изменениях, как железная дорога в Финляндию, прежде, чем государственные вагоны смогут пройти по ней. Да и для своих пассажиров она не очень надёжна. Изредка вагоны сходят с рельсов и валятся под откос, что весьма нездорово как для пассажиров, так и для самой дороги.

Всеволожск определено вскоре станет пригородом Петербурга. По сосняку вокруг станции для будущего города уже прочерчены линии улиц и переулков, в чём и кроется гибель финского Рябова. Вокруг станции идут дома, дачи, лавки, *«тсайные»*, голубятни и, прежде всего, постоялый двор.



Печь в доме. Приходское село Ряяпюва

Келтто (Колтуши)

Южнее Ряяпювя (примерно в 10 верстах от Рябова и в 15 верстах от Петербурга) находится деревня Келтто — центр южного прихода Северной Ингерманландии. Русские называют её Колтуши. Келтто — большой, густонаселённый приход — более 7 тысяч человек.

По пути от Ряяпювя до Келтто узкие просёлочные дороги идут лугами, зарослями да нивами через несколько маленьких деревень, чьи обитатели являются финскими подданными. Когда-то они переселились сюда из Финляндии, своим трудом заработали деньги и приобрели дома. Они всегда жили с паспортами, живут и сейчас по паспортам. В Ингерманландии жители многих деревень, имеющие паспорта, являются подданными Финляндии. В большинстве своём они из Карелии, Выборга и Сортавалы, а некоторые даже из Йоенсуу, Миккели и Куопио. Многие ремесленники и плотники (пилотниеккойта) перебрались сюда из родных мест и постепенно приспособились к чуждым им условиям, их дети женились, завели сыновей и дочерей, которые стали уже местными жителями.

От названных деревень вы проедете через чисто русскоязычные деревни, а затем снова пойдут ингерманландские деревни Саакрова (Шагрово) и Куйвари (Куйворы), через которые вы попадёте к церкви.

В Келтто заканчивается гряда холмов Эуряпяя, являя свои последние красоты. Пейзажи вокруг Колтушей прекрасны — холмы, пригорки, бугорки. В их тесном окружении стоит церковь. Но в Келтто холмы и горки уже не вздымаются так величественно, как в Токсова. Здесь они бессильно низки, и почти неприметно поднимаются среди ложбин, протягивая цепочку полян от одной низины к другой. Редко увидишь смело вознёсшийся выше других

Девушки и бабушки из Куйвари. Приход Келтто

Во дворе дома Токкари. Приход Келтто

холмик. Но и здесь, в этой покрытой невысокими горками местности, таится большая красота. Между пригорками раскинулись ровные тучные нивы, и даже многие вершины таких холмиков превращены в цветущие возделанные поля. Кажется, что сама Хозяйка земли кое-где приподняла здешнюю равнину, превратив её в цветущий приют для своих детей, следы упорного прилежного труда которых видны повсюду, и внешний вид домов указывает на благополучие. Зайдите почти в любой дом, и вы почувствуете себя вполне уютно.

Грязь, неряшливость и мусор, который во многих северных районах выбрасывают прямо за дверь, здесь встречаются очень редко. Можете заглянуть на задворки даже самых невзрачно выглядящих избушек — и вы, к удивлению своему, найдёте там чистоту и порядок. А если попадёте в дом на время *«тсайю»*, то вас непременно пригласят составить общество хозяевам, а если вы ещё сможете поддержать беседу, то уйдёте из этого дома лучшим другом, хоть и пришли туда незваным гостем.

Если же вы случайно окажетесь в Колтушах во время праздника, то можете вечером зайти на поляну за селом и посмотреть, как там веселится окрестная молодёжь. Там, на склоне, собирается самый пёстрый народ всех возрастов — от малых детей до старых женщин, но подавляющее большинство всё же составляют парни и девушки прекрасного юного возраста. У многих девушек одеты красные или синие колтушские жилеты с пламенной спиной, через широкие вырезы которых продеваются руки в белых рукавах. Юбки здесь бывают чёрные, синие и красные. Затем, когда начинаются быстрые танцы, только и мелькают то синий жилет, то развевающаяся красная юбка, то полощется белый рукав, то появятся вдруг коричневые, чёрные и серые цвета, сменяя друг друга бесконечной чередой.

Стучат каблуки, гудит поляна, раздаются песни, звенит смех, и музыкант, играя на *«хармони»*, задорными мелодиями увлекает народ в танцы. Здесь танцуют *«рочакко»* и *«венакко»*, могут станцевать и *«путтению»*, и *«сиевойрухку»*, но чаще всего танцуют кадриль. Четверо девчат пошептались и начали танцевать *«казанку»*, танец, в котором парни не участвуют. Пожилые женщины стоят в сторонке или сидят на поляне, возятся поодаль дети,

Памятная запись. Колтуши

Танцы: Рочакко танцуют втроём. Двое — в паре, друг против друга, третий — сзади. Венакко также танцуют втроём. Две девушки одна другой напротив, а впереди один парень. Некоторое время девушки танцуют только вдвоём, затем к ним присоединяется третий — парень. Казанку танцуют четыре девушки без парней. Шестакайсн танцуют, то становясь напротив друг друга, то накрест. Затем положения меняются. Симона, или «сиевойружка» (финск. кяурринвойта) — танец хороводный с одной парой посредине. Пуутгения танцуют четыре пары. Кадриль — танец современный.

иногда вторгаясь в танец, просто так, чтобы пошалить. И опускающееся за вершины деревьев солнце освещает веселье на поляне своими красноватыми лучами.

А когда наскучат эти забавы, отправляются качаться на качелях. Девушка садится, а рядом, с краешку четырёхугольной дощатой люльки, стоя, пристраивается парень, и, крепко держась, раскачивает сиденье до самой перекладины. В толпе всегда найдется одна девчонка, вечный запевала, которая в одиночку звонко выпевает пару куплетов, а остальные потом подхватывают и хором повторяют те же куплеты. Затем вступает ещё один солист-певун, качаются качели, звенят песни, слышится смех, тайком переми-гиваются, улыбаются, веселятся и смотрят на жизнь с её светлой стороны.

А когда наступает осень, вечера становятся тёмными, и холод гонит прочь с качелей, тогда люди собираются в какой-нибудь сауне «пересидеть вечерок», и происходит это два–три раза в неделю. Там они ведут разговоры, устраивают танцы, радуются жизни, туда же приходят парни из соседних деревушек найти зазнобу или повстречаться, если таковая уже имеется. Несколько недель подряд молодёжь собирается в саунах, а вечером накануне Симонова дня идут в какой-нибудь дом, и там устраивают вечеринку. (*Имеется в виду один из 12 апостолов Симон Зилот, он же Симон Кананит. В Эстонии и Ингерманландии день Симона празднуется 28 октября. — Прим. переводчика*).

Девушки в этот вечер особенно хлопочут. Пыхтит *«самовара»*, исходит паром *«тсайниекка»*, разливают чай, на угощение предлагают *«сухкари»* и баранки, иногда даже пирожки с мясом и *«пиракой»* — пироги. Для парней это верх удовольствия, однако, иногда их шутки довольно злокозненны — они тайком подсыпают девушкам в чайник табак «для вкуса» или крадут баранки и сухари.

На поле для игрищ. Колтуши

Помнящие времена крепостничества мужчины из деревни Вирккиля, приход Келтто

От Келтто к Неве

Холмы и пригорки становятся всё более низкими. Кирконкюля (Кирполье), Колпина (Колбино), Пору (Бор), Токкари, Арокюля (Аро), Вирккиля (Вирки), Аутио (Новая Пустошь), Мяхняля (Мяглово) и Мустапяя (Чёрная Голова) ещё находятся в холмистой местности, но у Невы она совсем понижается. Плохая лесная дорога ведёт в Валиттулу (Овцино), деревню, расположенную на берегу Невы, как раз напротив русского заводского поселения Ижоры (Усть Ижора). Валиттула относится к южному приходу приневской Ингерманландии.

Южнее красивого села Колтуши, деревни теснятся по округлым полянам на склонах и вершинах холмов. Там растут десятки яблонь, тянутся ряды чёрной смородины, кусты *«крусойниекка»* — крыжовника, малины, а на грядках — *«семляникка»*. Многие яблони облагорожены привитыми черенками. Можно увидеть, что в некоторых садах срезан десяток-другой деревьев, оставлены только хорошо плодоносящие яблони. От урожая здешних садов хозяева иногда получают доход до 300–400 рублей (800–1000 марок) за лето. Но теперь трудно найти в Вирках приличный сад. Вредоносные насекомые погубили яблоневые цветы, а крыжовник уничтожила какая-то мерзкая плесень. А что российская *«этускунта»* (*Дума. — Прим. переводчика*) не обратила внимания на крыжовниковую плесень, как это делает с давних времён финляндская «правящая верхушка»? Русская *«Туума»* думает только о финской плесени, а свою оставляет без внимания.

Кроме больших садов, в окрестностях Колтушей вызывают удивление обширные картофельные поля. Ими стали целые нивы, где ровными рядами борозда тянется за бороздой, и стебелёк возвышается над стебельком. Картофельные поля Колтушей приносят очень большие доходы хозяину. Один такой «картофельный дед» показал сложенный из *«кирпитсей»* подвал во всю ширину дома и сказал, что осенью туда вмещается 3000 мешков (примерно 1500 бочек) картошки. Потом зимой её едят и везут в Петербург обоз за обозом и временами получают 1–1,5 рубля за мешок, что в пересчёте составляет 800–1000 марок со всего урожая.

В деревне Аутио вы можете пойти поучиться старинным свадебным песням от старой бабушки Сусанны Юханан. Разговорчивая хлопотливая старушка, не прерывая уборки в избе, пропоёт вам, например, такую песню:

Запою около дома,
У колодца буду петь я,
Снова у дверей знакомых
Звенеть будет моя песня.
Милая деревня эта,
Ты земля моя родная,
Всё здесь знает своё место
И порядок свой все знают.
Здесь всё сделано прекрасно
Все зовут деревню славной.
Город манит нас напрасно,
Дом священника не главный.

И ещё довольно игриво бабушка добавит:

Песнь сложилась не у эстов,
А здесь, в Виркиля деревне,
В Аутио была зачата,
В Боговой избе пропета,
В сенцах булками богатой.

Бабушка расскажет вам о слепом финском старике-музыканте, который в дни её юности славился в этом крае. Старика звали Ману, со *«крипотской»* в руках он, в сопровождении маленькой девочки, ходил из дома в дом, из деревни в деревню, играя и собирая милостыню. Но несмотря на это, Ману не печалился сам и не нагонял тоску. Где какое веселье — там и Ману со скрипкой, а как скажут: *«А нука, Ману, поиграй!»*, — так дед, бывало, прижмёт подбородком скрипку к плечу, тут

Путевой дневник

Ночь в доме Симо Хайми в Аутио. Большой чистый дом. Утром, около 2 часов по деревне проходит, играя на дудочке, пастух. Я просыпаюсь от этого тутуканья. Спустя некоторое время он проходит снова. Он собирает скот на выгон.

В Аудио побеседовать с Сусанной Юханан. Через Мяхняля на Валиттулу к берегу Невского канала. Дорога плохая, проложена прямо по лесу. Валиттула — солидная деревня на северном берегу Невы. На противоположном — похожая на город Ижора. Много заводов, но больше всего кирпичных. Много ладей идёт вниз по Неве.

все и запляшут. И танцевать Ману умел отменно. Много раз его просили показать, как надо двигаться, кружиться, поворачиваться на пятках и вставать на цыпочки. Тогда дед начинал *«такое выделывать ногами, да ещё и пяток женщин увлекал за собой»*. И в семьдесят лет он был *«ещё такой прыткий, такой прыткий»*. Но, как и все музыканты, Ману был жаден до выпивки. И его угощали водочкой, когда он играл для гостей. И все уже знали, если Ману, играя, вдруг выкрикнет *«вуыйпить»* — это означало на нормальном языке, что надо дать выпить. Ему тут же подносили, и Ману с новым задором играл, играл до пота, пока снова не получал своё *«вуыйпить»*. Интересно было бы узнать, откуда произошли на нашей земле эти *«вуыйпить»*-музыканты, но Сусанна не помнила этого.

В Аудио вы переночуете в зажиточном доме Симо Хайми, того самого младшего Симо, который был знатоком лошадей и кружил по рынкам Кокколы, Куопио и Йоенсуу, покупая их, чтобы у себя на родине продать за хорошую цену.

Ночью, когда вы только разоспитесь, и, может быть, снится вам родная сторона, как вдруг вас разбудит *«тутуканье»* — скот собирают на выгон. «Ту-у-у, ту-у-у, ту-у-у!» — отчетливо доносится до вас. Усталый сонный мозг не может определить, где сон и где явь, и вы начинаете прислушиваться, а *«ту-у-у, ту-у-у»* повторяется несколько раз, и вы думаете, не случился ли пожар в каменном доме Хаммари. Но *«ту-у-у, ту-у-у»* повторяется бесчисленное количество раз и вы не можете понять, в какой части города это раздается. Тогда вы бросаетесь к окну посмотреть, куда спешит народ. Но видите, что по деревенской улице шагает обыкновенный подросток и дудит в берестовый рожок. Это «общедеревенский» пастушок. *«Деревня взяла его в наём»*, — поясняют разбуженные звуком рожка женщины, идя доить коров.

Длинный, сажени 3–4, кнут обвивает руку и плечо мальчишки. Сейчас лишь 2 или 3 часа, солнце только встаёт, но вскоре в доме послышится движение, а примерно через полчаса пастушок, дудукая в свой рожок, снова пройдёт по всей деревне. Это сигнал всем выгонять скот на улицу. Затем пастух собирает скот в стадо и гонит на пастбище. Он размахивает своим кнутом, и, со щелчками вроде ружейного выстрела, наносит хлесткие удары то по земле, то по воздуху, и лишь изредка достаётся по рёбрам ленивой или своенравной корове. На пастбище животные пасутся примерно часов до 9. Затем, чтобы переждать самое знойное время дня, животных держат в загоне под навесом часов до 3, после чего снова выпускают пастись до 9 часов вечера. Конечно, ингерманландские стада невелики, зажиточным считается хозяйство, где есть 4 или 5 дойных коров. Но когда скот изо всей деревни по бою часов сгоняется в стадо, тогда только и слышно сплошное мычание да топот копыт.

Скотоводы поставляют молоко в Петербург, причём так, что иногда для себя остаются лишь немногие капли. Хорошей ценой считается 7–9 копеек за *«путыль»*, что равняется 30–40 пенни за литр.

Коней пасут *«табунщекат»* — табунщики, в большинстве своём это русские мужики. Вечером табунщики гонят всё конское стадо, *«табунаа»*, на пастбище, стерегут коней всю ночь, а утром снова пригоняют в деревню. На ночь пасущихся лошадей треножат — связывают передние ноги путами из кожаных ремней, для того, чтобы лошадь могла передвигаться или короткими танцующими шажками, или небольшими прыжками. Скованная таким образом лошадь не может уйти далеко от табуна, что тёмными осенними ночами помогает держать в куче весь табун. В Ингерманландии стеречь лошадей нужно обязательно, табун нельзя оставить на пастбище без присмотра даже на одну ночь. Конокрады тут же угонят. Многие хозяева так лишились своих лошадей, украденных с пастбища или из загона.

Река Нева.
Берег у Валиттулы